

Пушкин А. С.
(II Всероссийский фестиваль)
г. Псков

23.3.95

122

«ДАЙ НАМ РУКУ В НЕПОГОДУ...»

«Театр Пушкина» — наше будущее».

Фраза-формула, со страстной убежденностью провозглашенная Владимиром Рецептером — главным движителем Фестиваля, его обретшей плоть и голос идей, — поддается разному толкованию. В качестве неутиешительного итога: отдельные памятные постановки не складываются в устойчивую традицию. В виде надежды, созвучной блоковскому «Дай нам руку в непогоду».

В Пушкинских горах, где открылся Фестиваль, и позже во Пскове, куда он переехал пару дней спустя, выяснилось, что вторая часть формулы туманна, поскольку совершенно разные представления о ее первой части и даже о самом поэте. Судя по спектаклям, под одной фамилией скрываются по крайней мере пять независимых драматических авторов.

№ 1. Его можно было бы описать «с точки зрения Арины Родионовны» — как написано, так и играется. Под эту рубрику подпадают два спектакля программы: «О проказах судьбы» Театра «На набережной» из Ярославля (две повести, рассказанные поочередно двумя исполнителями, вместе находящимися на сцене) — и мхатовский «Борис Годунов». Речь идет, разумеется, не об уровне мастерства, но о принципах подхода — и, в результате, приема публики. Чеховский МХАТ впервые оказался на псковской земле — за век почти своего существования, так что трудно представить себе ажиотаж зрителей и разочарование. Неудача. Можно, правда надеяться, что посещение связанных с именем поэта мест оставит след у актеров, но пока зримым итогом стало принесение — от имени московской делегации — извинений за возмутительное поведение Ефремова-младшего.

№ 2. Популярность литературная кредит энергии сценической: услышав знакомые строки, человек в зале продолжает их — невольно и про себя — быстрее актера на подмостках. Создатели спектаклей этой группы

пытаются сбить навязшие трафареты восприятия — слова ли (Игорь Ларин лишь начинает первую строку строфы «Онегина», далее беззвучно шевелит губами или просто молчит), или действия: в «Моцарте и Сальери» Саратовской Театральной Академии появляется Статуя, которой Сальери пожимает руку, — и падает истукан. Пафос лучше всего снимается иронией, отчего автор предстает преимущественно «склазубым и наглозлым».

В целом в том же русле лежит и спектакль Някрошуса, ранее привозимый в столицу и вызвавший острейшую полемику. Естественно, необходимо делать коррекцию на безудержную талантливость режиссера, почему в его интерпретации слышна не только ирония, но пронзительная лиричность и сжатый трагизм.

№ 3. Близко к предыдущему — попытки привлечь неизвестные сцене тексты Пушкина, подсветить происходящее на подмостках фактами его биографии, столкнуться хрестоматийные понятия лбами, добиваясь высечения искр. Один из наиболее интересных опытов — «Песни западных славян», моноспектакль петербуржца Алексея Девотченко в постановке Владимира Михельсона. При минимуме внешних деталей возникала изломанная судьба молодого человека — одним поучилась аналогия с югославской драмой, другим навевались ассоциации с Чечней, — в незрелые еще годы столкнувшегося с миром насилия и жертвенности, мужества и жестокости.

Другой полюс — очаровательный не то концерт, не то эскиз будущего представления, явленный сборной русско-французской молодежно-студенческой компанией под руководством известного мастера-педагога Ники Косенковой. Написанные по-французски (второй родной — и первый поэтический язык) строки сплетались с обрядовыми песнями, а то и дурманящей африканской пляской — есть же власть крови предков. Конечно, это не спектакль, скорее наброски, но плени-

II Всероссийский
Пушкинский Фестиваль
Театр

тельные и многообещающие.

№ 4. В этот раздел вписывается всего одна работа — «Евгений Онегин» из Воронежа. Великолепная актриса Наталья Когут, на грани самосжигания, ее безмолвный и почти недвижный партнер (он же постановщик) Александр Калабухов считают, по-видимому, что автор с его гармонией преодоленных противоречиями — вершина, безвозвратно утерянная. Сегодняшним его соотечественникам, которым, по слову другого классика, следовало бы пройти хотя бы половину пути приближения к Пушкину, не остается ничего, кроме смутных воспоминаний.

№ 5. Такого воплощения не было — в законченном виде, но то в одном, то в другом представлении прославленных или малоизвестных трупп вспыхивали мгновения, которые — в течение всего фестиваля — склады-

вались в пунктирный, прерывистый, не слишком отчетливый, но все же различимый рисунок. Тот же облик мерцал и в выступлениях пушкиноведов на теоретической части — семинаре. За диспутами о поэтике и архитектонике пьес, о циклах и разочтениях внезапно возникала тоска по «тайной свободе» — абсолютной независимости от влияния внешней среды.

Впрочем, о том грезят не только участники фестиваля — последний, вероятно, заставляет почувствовать острее желание соприкоснуться с «русским, каким он будет через...» сколько лет?

Геннадий ДЕМИН.

● Сцена из спектакля «Моцарт и Сальери. Дон Гуан. Чума».

● Игорь Ларин.

Театр и сцена - 1995 - 23-30 марта - 010